

ISSN 0038-5034

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1991

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

3

плексам находок. Наиболее точно датированный экземпляр подобных чаш относится к типу А, к так называемой «Эннионской группе»: данная чаша не могла попасть в культурный слой ранее правления императора Клавдия, так как была найдена вместе с монетой этого императора, ее форма и стилистика, нехарактерные для типа в целом, заставляют предполагать, что она была изготовлена в I в. н. э. и представляет собой, вероятно, ранний экземпляр этого типа.

Важность находки в Лоо состоит в том, что подобная чаша, а это случается редко, была обнаружена в составе комплекса. Форма подобных чаш (включая тип G) и надписи на них привели Хардена к мысли о том, что они изготавливались скорее всего во II в. н. э. Комплекс, найденный вместе со стеклянной чашей из Лоо, хорошо согласуется с датировкой, предложенной Харденом для типа G и комплекс этот следует учитывать во всех будущих дискуссиях о данном типе стеклянной посуды. В частности, комплекс находок в Лоо придает больший вес мнению Хардена о том, что производство такого типа стеклянной посуды следует, вероятно, датировать II в. н. э., хотя более точная датировка все еще не представляется возможной [3, с. 182].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иванова М. И., Голубев П. М.* Находки в Лоо // СА. 1961. № 3.
2. *Лордкипанидзе О. Д., Микеладзе Т. К., Хахутайшвили Д. А.* Гонийский клад. Тбилиси, 1980.
3. *Harden D. B.* Romano-Syrian glasses with mouldblown inscriptions // *J. Roman Studies*. 1935. № 25.
4. *Harris J. R.* Class chalices of the first century // *Bulletin of the John Rylands Library*. Manchester, 1927 № 11.
5. *Supplementum Epigraphicum Graecum*. № VII.

Department of Classics
University of Exeter,
England

В. С. СОЛОВЬЕВ

КЕРАМИЧЕСКАЯ ПЛИТКА ИЗ КАФЫРКАЛЫ

В 1987 г. во время раскопок городища Кафыркала в Вахшской долине на юге Таджикистана, которое идентифицируется с раннесредневековым Хелавердом — столицей области Вахш, на объекте № 3 (жилой городской дом) найдена очень интересная керамическая плитка с рельефным изображением процессии из трех персонажей: царя, мальчика и слуги. Плитка имеет квадратную форму (18×19 см), толщина ее 1,5—2 см. Рельеф нанесен на плитку штампом (16×16 см) до обжига, высота его 0,5—1,3 см. По краю рельефа идет бортик шириной 1,2—1,5 см, покрытый круговым орнаментом, образующим непрерывную цепочку (рисунок). Обжиг изделия хороший. Недалеко от этой находки обнаружен обломок точно такой же плитки, что говорит об их массовом производстве. Стратиграфически обе они относятся к кроющему слою городища (период КФ-1) и датируются первой половиной VIII в.

На рельефе царь возглавляет процессию, он одет в двубортный кафтан, отороченный по краям, и штаны, обозначенные внизу складками. На голове царя корона, увенчанная двумя выступами, среди которых располагается полумесяц с диском. В левой руке он держит какой-то предмет, возможно чашу, в правой — связку веточек священного растения. К поясу с левой стороны у царя подвешен кинжал. Непосредственно за царем следует мальчик, вероятно

Кафыркала. Керамическая плитка

его сын или служка, который держит в левой поднятой руке какой-то предмет. Замыкает процессию слуга, несущий лук в чехле, колчан со стрелами и предмет, напоминающий формой гривну с геммой в центре. В правом ухе у него крупная круглая серьга. Мальчик и слуга одеты в кафтаны того же покроя, что и царь, головы их ничем не покрыты; подол кафтана слуги оторочен, штаны внизу собраны в складки. Кафтаны всех персонажей своим покроем восходят непосредственно к кафтанам кушанского типа. Слегка согнутые в коленях ноги передают движение людей вправо.

Представляется, что композиционная схема кафыркалинского рельефа восходит к образцам гандхарских каменных рельефов со сценами подношения даров Будде. На одном из рельефов, хранящемся в Пешаварском музее, изображены два донатора, которых возглавляет буддийский монах, держащий в руке какой-то предмет, за ним следует мужчина с непокрытой головой, крупными серьгами в ушах, большой чашей в руках. Процессию завершает третий персонаж. Все фигуры на рельефе фронтальные, ноги их немного согнуты в коленях — стремление передать движение фигур. Покрой костюмов у данных персонажей похож на покроем костюмов кафыркалинских донаторов [1, рис. 418] В гандхарских рельефах имеются аналогии и другим деталям

кафыркалинского рельефа, в частности положению руки царя, держащего у плеча ветви растения. Например, на рельефе из Буткары I у мужчины и женщины, стоящих вокруг жертвенника огня, в левой руке, у плеча — ветви растений [2, № 2465].

Аналогии можно продолжить, привлекая памятники гандхарского искусства Афганистана. Так, например, в музее Гиме в Париже хранится великолепный каменный рельеф из Шоторака (№ 21157), на котором Будда стоит рядом с двумя боддисатвами и двумя донаторами, которые держат в правой руке ветви растений, а в левой — какие-то предметы¹. Из Шоторака происходят и отдельные скульптурные изображения донаторов в кушанских костюмах [3, рис. 90, 137]. Похожие фигурки имеются и в рельефах Хадды [4, рис. X, 40].

Однако обращает на себя внимание не только сходство, но и различие в трактовке сюжетов на кафыркалинской плитке и на перечисленных памятниках гандхарского искусства. Ни в одном случае на гандхарских рельефах донаторы не несут в руках оружия. Поэтому нам кажется, что на кафыркалинском рельефе изображена не совсем обычная сцена подношения даров Будде. Очень вероятно, что рельеф иллюстрирует популярное в буддийской традиции предание о царе-охотнике, который решил прекратить охоту и стать верующим-буддистом. Он пришел в храм с дарами для Будды, а слуга принес царское оружие, которым он не будет больше пользоваться. В этой связи интересно отметить, что на Кафыркале, в том же доме, где найдена описанная выше плитка, несколькими годами раньше обнаружена более крупная плита со сценой охоты царя на горного барана [5, с. 213, рис. 1]. Думается, обе плиты тематически были связаны между собой, последовательно раскрывая превращение заядлого охотника в верующего-буддиста.

Несколько иначе интерпретированная сцена с изображением царя-охотника, отказавшегося от убийства живых существ, имеется в настенной живописи Какрака, расположенного недалеко от Бамиана в Афганистане [6, с. 35, 36]. Здесь фигура царя располагается рядом с фигурой Будды. Царь сидит на зооморфном троне, держит в руках ставший ненужным лук, рядом с ним воткнуты две стрелы. На голове у него корона, увенчанная тремя эмблемами, сочетающими символы солнца и луны [7, с. 42, 43].

Сюжет на Кафыркалинском рельефе вызван отчасти долгим существованием в искусстве Тохаристана, владения Вахш в частности, гандхарских традиций. Об этом свидетельствует также находка недалеко от Кафыркалы каменной скульптурной головки Будды, выполненной в позднегандхарском стиле [8, № 356].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ingholt H.* Gandharan art in Pakistan. N. Y., 1957.
2. *Faccena D.* Sculptures from the sacred area of Butkara I. V. II. 2. Roma, 1962.
3. *Meunié I.* Shotorak. Mémoires de la Delegation Archéologique Française en Afghanistan. T. X. P., 1942.
4. *Dagens B.* Mark le Berre et Daniel Schlumberger. Monuments preislamiques d'Afghanistan. Mémoires de la Delegation Archéologique Française en Afghanistan.
5. *Соловьев В. С.* К характеристике искусства раннесредневекового Тохаристана (Кафыркала) // СА. 1985. № 1.
6. *Godard A., Godard Y., Hackin J.* Antiquités Bouddhiques de Bamiyan // Mémoires de la Delegation Archéologique Française en Afghanistan. T. II. P., 1928.
7. *Rowland B.* Art in Afghanistan. L., 1971.
8. Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985.

Институт истории, археологии и этнографии
АН ТаджССР, Душанбе

¹ Пользуясь случаем, приношу благодарность м-м Ф. Тиссо за знакомство с коллекциями гандхарского искусства в музее Гиме.

ISSN 0038—5034

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1992

1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

левой руке находилось 7 предметов, среди них две пронизки с четырьмя зооморфными изображениями.

В целом комплекс найденных в кургане 4 вещей необычен для захоронения мужчины. Впрочем, плохая сохранность костяка оставляет место для сомнений в правильности его интерпретации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Разуваев Ю. Д. Отчет об исследованиях в бассейне р. Воронеж в Липецкой и Воронежской областях в 1988 году//Архив ИА АН СССР.
2. Рене Менап. Мифы в искусстве старом и новом. СПб., 1900.
3. Медведев А. П. Лесостепное Подонье в сарматское время: Автореф. дис. канд. ист. наук. Л.: ЛОИА АН СССР, 1983.
4. Медведев А. П., Пряхин А. Д. I Чертовицкий могильник по раскопкам 1978 г.//Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1983.
5. Медведев А. П. Керамика сарматского времени лесостепного Подонья//Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987.
6. Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР//САИ 1966. Вып. Д1—30.
7. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья//САИ. 1975. Вып. Г1—12.
8. Щербакова В. С. Геммы с изображением Гермеса из херсонесских находок//КСИА. 1983. Вып. 174.
9. Лордкипанидзе М. Н. Иберийские копии с малоазийских гемм позднееллинистического времени//Вестн. Отд-ния обществ. наук АН ГССР. 1963. Вып. 15.
10. Максимова М. И. Стекланные многогранные печати, найденные на территории Грузии//Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры. Тбилиси, 1941. Вып. X.

Воронежский государственный
университет

В. С. СОЛОВЬЕВ

ДЕНЕЖНО-ВЕЩЕВОЙ КЛАД ИЗ ДУШАНБЕ

В 1988 г. при раскопках замка Чормагзтепа (Ореховый Холм), расположенного в северо-западной части г. Душанбе, найден денежно-вещевой клад. Замок, изучаемый под руководством автора статьи, был обнаружен археологами в начале 50-х годов, раскопки его начаты в 1983 г. и велись в течение четырех полевых сезонов. Он имеет квадратную форму (около 50х50 м), стороны его ориентированы по странам света. В истории памятника выявлены три строительных периода. 1. Вторая половина VII в. Возведение здания, начальный этап функционирования. Стены сложены из пахсы и сырцового кирпича (50х25х10 см). Здание покоится на высокой (около 4 м) платформе, было оно двухэтажным, сохранился первый этаж, в центральной части которого расположена серия коридорообразных помещений, имеющих длину около 20 м, ширину 1,4—1,8 м. Помещения образуют гребенчатую структуру, которая отличается от обычной тем, что разделяет их между собой не коридор, а глухая стена. 2. XII в. Перестройка замка после долгого запустения, вызванного, очевидно, арабским завоеванием Тохаристана в середине VIII в. Многие помещения предыдущего периода при этом забутовываются строительными остатками, в отдельных случаях их стены надстраиваются, возводятся и новые помещения из пахсы и сырцового кирпича (25х25х10 см). Ориентация стен совпадает с ориентацией стен помещений первого периода. 3. Начало XIII в. Кардинальная перестройка всего здания. Стены новых помещений ориентированы с юго-запада на северо-восток, сохранились они фрагментарно и не дают представления об их планировке.

Судя по месту нахождения клада, он был зарыт под полом помещения третьего периода, на глубину около 60 см. Предварительно клад был, видимо, завернут в тряпочку или положен в тряпичный мешочек. Он включает в себя девять серебряных украшений, одну золотую монету и 15 обломков золотых монет, 60 жемчужин. Монетные находки определены проф. Е. А. Давидович: «Целая золотая монета клада чеканена в Бухаре от имени Ануштегинида Мухаммад б. Текеша; от имени этого же государя выпущены еще 9 монет, представленных в клада фрагментами разных размеров. Один фрагмент — от монеты, чеканенной с именем Гурида Сама б. Мухаммада (Бамианская ветвь Гуридов) и еще один — караханидский конца XII или начала XIII в. Четыре мелких фрагмента не определяются. Состав монетной части клада хронологически компактен, представлен монетами трех династий (Караханиды, Гуриды, Ануштегиниды) с количественным преобладанием золотых динаров Мухаммада б. Текеша»¹.

Однако этот однородный по времени нумизматический материал не позволяет установить точную дату его зарытия, потому что он мог быть в обращении довольно долго после чеканки. Представляется, что зарытие клада скорее всего было связано с тем периодом нестабильности, который установился в Южном Таджикистане в первые десятилетия после монгольского завоевания. На наш взгляд, целесообразно ограничить эту дату концом первой — второй четвертью XIII в.

Вследствие того, что вещи клада находились в относительно сухом месте и изготовлены из высокопробного серебра, сохранность их очень хорошая.

Перстни (3 экз.). Два из них изготовлены литьем с последующей частичной проковкой по форме; щиток третьего перстня изготовлен отдельно от шинки, между собой они спаяны². Все перстни имеют шестиугольный щиток диаметром 14—15 мм, толщиной 0,5—1,0 мм и круглую шинку диаметром 13 мм. Поле щитка одного из перстней украшено четырехлепестковыми цветами и извилистыми линиями, имитирующими их ножки. Орнамент нанесен мелким пуансоном и чеканкой (рис. 1, 7—9).

Браслеты (3 экз.). Два парных браслета изготовлены литьем в разъемной форме (рис. 1, 1, 3). После литья поверхность браслетов подвергалась ковке, опиловке, чеканке, в сечении они имеют треугольную форму. Браслеты разомкнутые, концы их оформлены в виде головок змеи с высунутым раздвоенным язычком. Пуансоном показана чешуя на коже змеи у их головок и на противоположной от них стороне, где имеется квадратный, уплощенный щиток. С двух сторон края этого щитка ограничены линиями, между которыми располагается ромб. Поперечники каждого браслета 5,4 и 4,2 см, толщина 2 мм. Половинка третьего браслета сплетена из четырех проволок диаметром 1,5—2 мм, утончающихся к концам. Плетение браслетов начиналось после того, как концы проволок были запаяны, велось оно в виде косицы (рис. 1, 5).

Ушные подвески (2 экз.). Украшения парные, изготовлены из прутьев, имевших квадратное сечение на начальной стадии обработки. Максимальная толщина прутьев 4 мм, они постепенно сужаются до 2 мм к одному концу. Примерно треть длины в тонкой части проковывалась до получения круглого сечения. Конец этой части расклепывался и в нем пробивалось отверстие для крепления нитки. После подготовительной обработки заготовки гнулись в соответствии с формой и размерами ушных раковин. Длина подвески в готовом виде 6,2 см, диаметры округлых частей 2,9 и 3,2 см (рис. 1, 2, 4).

Нашивная бляшка. Изготовлена из тонкой прокованной пластинки, которой придали круглую форму (диаметр 2,8 см). В центре бляхи, с лицевой стороны, с помощью чеканки сделана полусфера диаметром 5 мм, высотой 2 мм. Вокруг нее располагается четырехконечная звезда, показанная мелким чеканом, так же как и два круга точек, идущих вдоль краев бляшки (рис. 1, 6).

¹ Письмо профессора Е. А. Давидович автору от 18.XII 1988 г.

² При описании техники изготовления серебряных украшений нами использованы наблюдения художника-реставратора сектора металла Всесоюзного научно-исследовательского института реставрации (ВНИИР) В. В. Ветлужских.

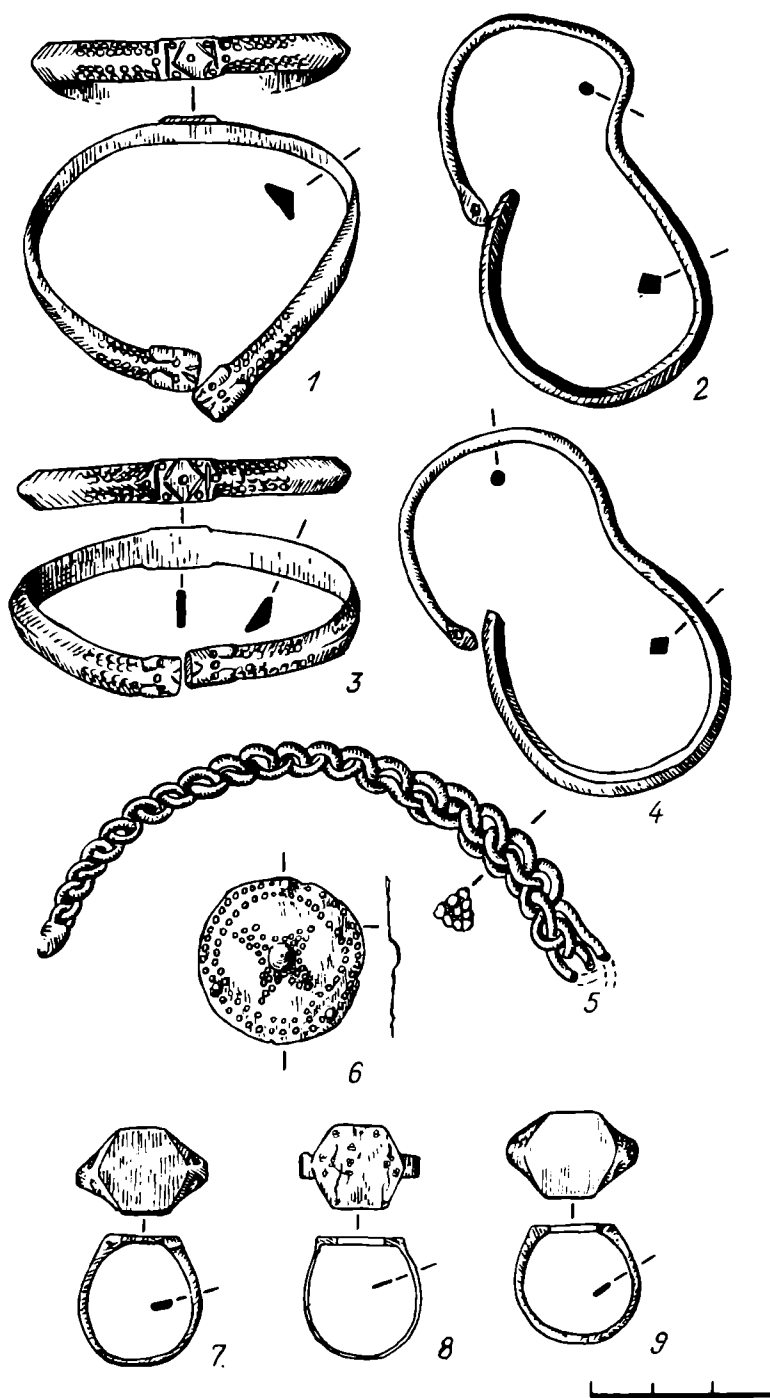

Рис. 1. Душанбе. Чормазтепа. Серебряные украшения из клада

Жемчужины (60 экз.). Они в основном мелкие, диаметром 3—5 мм, имеются и более крупные, диаметром 6—8 мм. Жемчужины имеют естественную форму — округлую, вытянутую, все они просверлены. Вероятно, их нанизывали на ниточки, которые привязывались к ушным подвескам.

Как показали металлографический анализ и определение удельного веса украшений методом гидростатического взвешивания на аналитических весах, все украшения, кроме бляшки, изготовлены из высокопробного серебра 875—900 пробы. Нашивная бляшка изготовлена из серебра 800 пробы³

Душанбинский клад относится к серии близких по времени кладов, найденных на территории Средней Азии и Казахстана. Наиболее близким к нему по составу

³Определение проб металла произвела старший научный сотрудник сектора металла ВНИИР И. Г. Равич.

является большой клад серебряных изделий и монет, найденный в 1974 г. около г. Отрара. В составе этого клада имеются аналогичные ушные подвески, перстни с шестиугольными щитками, уплощенные и плетеные браслеты [1, с. 20—28]. Есть и некоторые отличия в деталях отдельных вещей из этих кладов. Так, на душанбинских браслетах головки змей более реалистичны; у ушных отрарских украшений отверстие для подвешивания образовано простым загибом тонкого конца стержня-заготовки. Иначе на одном из отрарских перстней изображен цветок — он один и более крупный, чем на душанбинском перстне. В связи с привлечением для сравнения вещей отрарского клада необходимо отметить некоторую неправомерность идентификации плетеных браслетов из него с витыми браслетами, найденными в Узбекистане [2, с. 116—117] и Киргизии [3, с. 58, табл. XV], потому что последние выполнены в другой технике, они типичны для караханидского периода, но не для периода хорезмшахов.

Аналогичные по форме нашим ушным украшениям золотые серьги имеются в кладе, найденном в кишлаке Янги-Ер Чимкентского уезда (Казахстан) в 1891 г.⁴ Одна из них украшена двумя жемчужинами. В отличие от душанбинских украшений один конец серег сильно сужен и приострен, что позволяло вдевать их в мочку уха. Душанбинские же украшения, несмотря на морфологическое сходство, крупнее их по размерам, они надевались на ушную раковину. В селении Аламедин Токмакского уезда Пишпекской обл. (Киргизия), также в прошлом веке, найдены два золотых плоских браслета, разомкнутые концы которых украшены снаружи парными фигурками обращенных в противоположные стороны львов⁵. По времени они позже душанбинских, но по стилю относятся к одному с ними кругу.

Если рассматривать вещи душанбинского клада в связи с находками подобного рода из Восточной Европы, прежде всего с территории Древней Руси и Булгарского царства, то выявляются параллели для браслетов обоих типов и перстней. Чаше всего их находят в составе кладов [4, табл. XXXII, XXXVII, XXXVIII; 5, с. 41, 42; 6, с. 13, рис. 5; 7, с. 28, 29; 8, рис. 73—75]. Речь в данном случае идет не о полном, а о частичном сходстве. Так, концы пластинчатых браслетов из Восточной Европы часто бывают украшены личинами львов⁶. Концы плетеных браслетов украшались каменными вставками. Иной здесь орнамент на щитках перстней. Декорирование душанбинских браслетов изображениями головок змей связано с тем, что образ змеи в Средней Азии с древнейших времен служил в качестве оберега; он часто встречается в декоре витых браслетов XI—XII вв. [10, с. 54, 55].

Представляется, что сходство серебряных украшений душанбинского клада с соответствующими украшениями указанных регионов нашей страны объясняется вхождением Южного Таджикистана в состав формировавшегося после монгольского завоевания огромного государственного объединения. То обстоятельство, что набор предметов из душанбинского клада наиболее близок по своему характеру к набору предметов из клада, найденного под Отраром, свидетельствует о том, что в Средней Азии и Казахстане формировался в то время локальный вариант культуры, частью которой было ювелирное искусство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байпаков К. М., Насиц В. Н. Клад серебряных вещей и монет XIII в. из Отрара. // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата: Наука, 1981.
2. Вархотова Д. П. Два серебряных браслета X—XI вв. из Чиназа // История материальной культуры Узбекистана. 1963. Вып. 4.
3. Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959.

⁴ Особая кладовая отдела Востока ГЭ. Инв. № СА 8101—8106.

⁵ Особая кладовая отдела Востока ГЭ. Инв. № СА 8243. Пользуясь случаем, выражаю благодарность сотрудникам отдела Востока Эрмитажа Т. И. Зеймаль и М. Г. Крамаровскому, ознакомившим автора с предметами указанных кладов.

⁶ М. Г. Крамаровский полагает, что плоские браслеты с личинами, подобные пишпекским, в Восточной Европе не могут быть датированы домонгольским периодом, а также что они несли следы влияния сельджукского художественного ремесла [9, с. 49—50].

4. Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
5. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966.
6. Монгайт А. Л. Работа Рязанской археологической экспедиции в 1966—1970 гг. Археология Рязанской земли. М.: Наука, 1974.
7. Даркевич В. П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани. Археология Рязанской земли. М.: Наука, 1974.
8. Смирнов А. П. Волжские булгары. М.: Наука, 1951.
9. Крамаровский М. Г. «Булгарские» браслеты: генезис декора и локализация///СГЭ. 1978. Вып. XIII.
10. Фахретдинова Д. А. Ювелирное искусство Мавераннахра.//Художественная культура Средней Азии. IX—XIII века. Киев, 1983.

Институт истории, археологии и этнографии
АН Таджикистана, Душанбе

Г. Ф. ПОЛЯКОВА

ЗАГОТОВКА ОБКЛАДКИ КОЛЧАНА ИЗ БОЛГАР

В 1989 г. на раскопе CV, заложенном в центральной части Болгарского городища, найдена обломанная костяная пластина с резным геометрическим орнаментом. Стратиграфически эта находка связана с поздним горизонтом золотоордынского слоя, датирующегося серединой XIV — началом XV в. (рис. 1).

Пластина представляет собой обломок лопатки длиной 16,1 см и шириной 4,6 см. Обе ее стороны декорированы нарезными линиями, вдоль которых идут мелкие выемчатые треугольники. Орнамент пластины очень близок к декору костяных обкладок колчанов поздних кочевников XII—XIV вв. [1, с. 132—175]. Однако все известные обкладки односторонние, толщиной 0,1—0,2 см. Их поверхность тщательно отполирована и сплошь покрыта орнаментом. Рассматриваемая пластина имеет толщину 0,8 см. Ее поверхность плохо сглажена. Узор, нанесенный легкими небрежными штрихами, производит впечатление предварительной разметки. Кроме того, на орнаментальных полях обеих сторон пластины имеются недекорированные зоны, которые, принимая во внимание орнаментальные композиции многих обкладок, предназначались, вероятнее всего, для нанесения зооморфного или растительного узора. Все отмеченное позволяет предположить, что рассматриваемая пластина является заготовкой для производства обкладок колчанов.

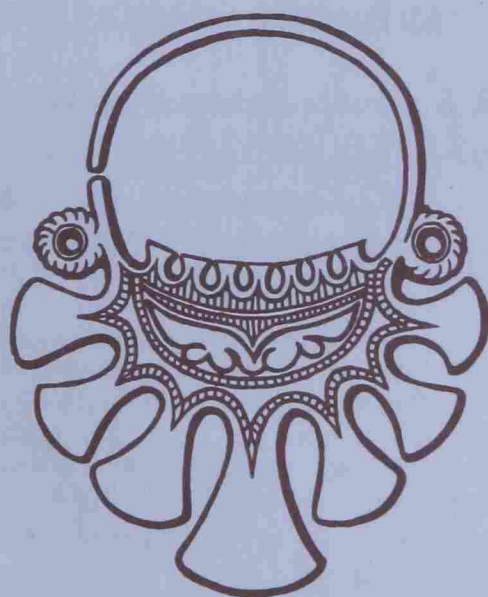
Это пока единственная находка, отражающая процесс изготовления обкладок. Судя по заготовке, обкладки делали из плоских костей с тонкой прослойкой губчатого вещества. Отобранные для обработки кости сначала покрывали с обеих сторон орнаментом, а затем по губчатому веществу распиливали на тонкие пластины и тщательно отшлифовывали.

Данная находка имеет определенный интерес и для решения спорного вопроса о месте производства обкладок колчанов. Согласно одной точке зрения, обкладки делали сами кочевники. Возможность производства этих изделий обосновывалась достаточно высоким уровнем развития ремесла и декоративно-прикладного искусства у кочевников, что позволяло им производить многие художественные предметы в условиях кочевого быта [2, с. 6]. В соответствии с другой точкой зрения обкладки колчанов изготавливались для степных кочевников в городах Золотой Орды. Это мнение представляется более убедительным, так как оно основано на конкретном материале в виде находок обкладок колчанов в культурных слоях золотоордынских городищ [1, с. 169]. Описываемая заготовка может служить новым ярким подтверждением правомерности данной точки зрения.

ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1999 2

— 35 —

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД ТОХАРИСТАНА ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК КАФЫРКАЛЫ

Городище Кафыркала расположено в центре Вахшской долины на юге Таджикистана. Оно было обнаружено в 1947 г. Вахшским археологическим отрядом (Беленицкий А.М., 1950, с. 143, табл. 71/2). В 1956–1957 гг. Т.И. Зеймаль произвела первые раскопки в центральной части памятника. В процессе их вскрыто три культурных слоя, соответствующих трем периодам жизни на городище (КФ I–III). На основе полученных материалов исследовательница датировала кроющий слой (КФ-I) – VII–VIII вв., промежуточный слой (КФ-II) – III–IV вв. и подстилающий слой (КФ-III) – II–III вв. (Литвинский Б.А. и др., 1959, с. 129–152). Датировка периода КФ-II позже была уточнена: IV – середина VII в. (Зеймаль Т.И., 1969, с. 7). Городище отождествлено со столицей области Вахш – г. Хелавердом, упоминаемым Сюань Цзаном (Beal S., 1981, p. 40).

В 1968 г. раскопки Хелаверда были возобновлены, они велись в основном на цитадели, где располагались дворцовые постройки (Литвинский Б.А., Соловьев В.С., 1985; Litvinsky B.A., Soloviev V.S., 1985). С 1969 по 1990 г. работы на памятнике проводились автором, они сосредоточивались преимущественно на территории собственно города. В центральной его части дообследовано административное здание (объект 1), в северной раскопаны два жилых дома и угол ограды городского храма (объекты 3,5), у западных городских ворот обнаружено хранилище сельскохозяйственных продуктов (объект 4). Результаты этих раскопок опубликованы лишь частично. Более полно они приводятся в данной статье (рис. 1).

Полученные автором материалы позволили несколько детализировать историю памятника. Город был возведен в конце VI в. на месте поселения кушанского времени. Вся площадь огороженного крепостной стеной массива (360 × 360 м) была разбита на квадраты (44 × 44 м). В один такой квадрат вписана цитадель, расположенная в его северо-восточном углу, на территории собственно города – храм и четыре жилых дома. Главная уличная магистраль, тянущаяся от западных до восточных ворот, делит массив на две половины – северную и южную. В центре города располагается площадь (35 × 40 м).

В середине VII в. была осуществлена кардинальная перестройка города и дворцовых помещений на цитадели, при этом первоначальная городская планировочная структура была сохранена. Причинами перестройки послужили высокое стояние грунтовых вод на территории города и, как следствие этого, сильная сырость в помещениях, разрушение оснований стен. В это время население города значительно возросло, часть жителей переселилась за пределы городских стен, где стал формироваться пригород. В начале второй четверти VIII в. город был захвачен арабами, это событие отмечено пожарами и разрушениями домов и дворцовых построек. Затем оставшиеся в живых жители отстроили город заново. Площадь его жилой застройки увеличилась за счет использования территории переставшего функционировать храма. Между 40–50 гг. VIII в. арабы вторично захватили город и после этого он прекратил свое существование. Жизнь на его месте больше не возродилась, поэтому город не перекрыт поздними культурными наслоениями.

Объект 3 расположен в центре города, на пересечении главной и второстепенной

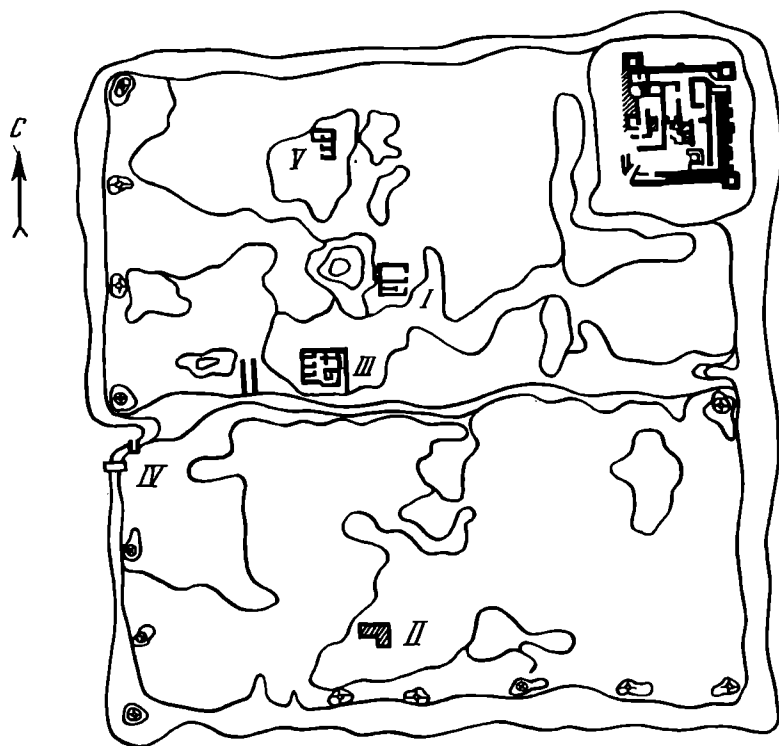

Рис. 1. Кафыркала. План городища с объектами раскопок

улиц. Раскопками здесь вскрыты домовладение и отрезки двух второстепенных улиц. Домовладение было двухэтажным, полезная площадь первого этажа составляет 200 м^2 , второй этаж не сохранился. В плане первого этажа четко выделяются две половины – восточная и западная, разделенные между собой коридором. Центральным помещением восточной половины являлось домашнее святилище (помещение 1). Оно имело в плане квадратную форму ($7,10 \times 7,10 \text{ м}$), его перекрывал купол. Вдоль стен святилища устроены суфы, у восточной стены одна из них поворачивает под прямым углом и образует выступ – постамент ($1,9 \times 0,9 \text{ м}$), расположенный напротив входа в святилище. Он тщательно оштукатурен, побелен и выкрашен в желтый цвет. На полу около постамента найдены мелкие кусочки глиняной скульптуры. Судя по находкам фрагментов стеной росписи синего цвета, святилище было расписано. С двух сторон святилище огибал коридор, подчеркивающий особое его положение в системе помещений домовладения, а также связывающий последние между собой (рис. 2).

При перестройке домовладения северный отрезок коридора был превращен в хранилище сельскохозяйственных продуктов. Юго-восточный угол занимают три помещения различной формы и размеров. Вход в них вел как из внутренней части дома, так и с главной улицы. Два помещения (5,6) являлись лавкой, в которой продавалась продукция, производимая в ювелирной мастерской. Назначение помещения 7 оставалось не выясненным. В юго-западном его углу устроено окно, имевшее вид широкой вертикальной амбразуры. Свет в окно попадал через помещение 6, в то время когда расположенная напротив него дверь была открыта. Вдоль восточной стены помещения устроена суфа с закругленными углами и краями, у западной стены – возвышение, заканчивающееся углублением – очагом.

В западной половине дома главным помещением являлся парадный зал (4). Он прямоугольный в плане ($9,95 \times 5,65 \text{ м}$), его кровлю поддерживали две колонны, имеющие своеобразные по конструкции деревянные базы (рис. 3), которые покоились на четырех обожженных плитах. Вдоль северной стены зала располагалась суфа шириной $1,4$ и высотой $0,3 \text{ м}$. Из зала имелся выход на главную улицу. За ним следуют

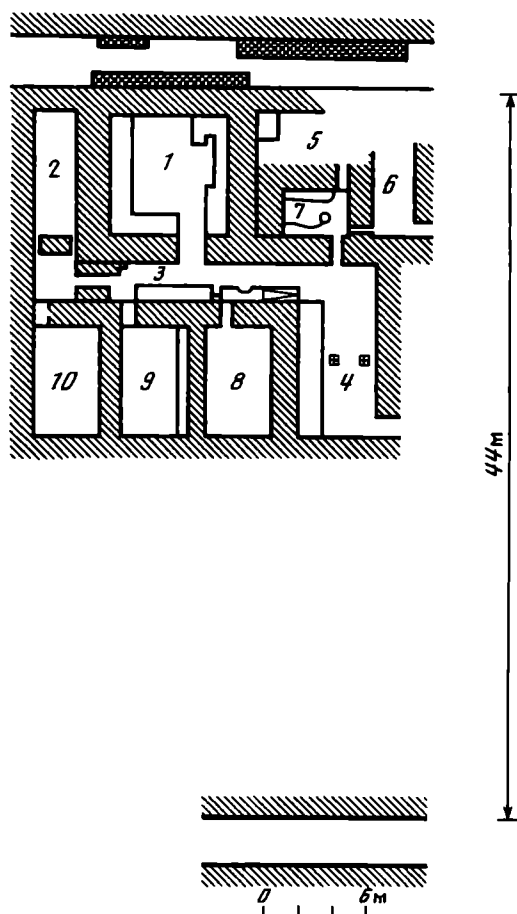

Рис. 2. Кафыркала. Объект 3, план

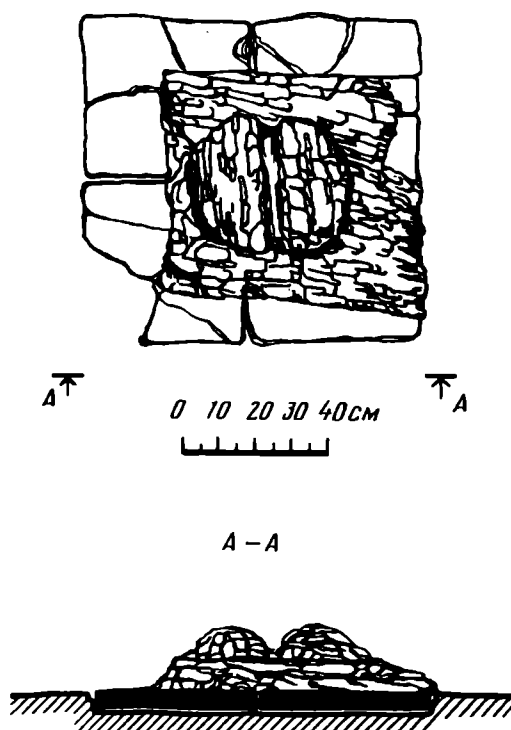

Рис. 3. Кафыркала. Объект 3, деревянная база колонны

три, близких по размерам, прямоугольных помещения. Одно из них (8) было жилым, его перекрывал свод необычной для памятника конструкции, так как сохранившийся тропик расположен непосредственно не в углу помещения, а на стене (рис. 4). Второе помещение (9) являлось ювелирной мастерской. Вдоль его южной стены идет кирпичный уступ высотой 0,93 и шириной 0,5–0,6 м, выложенный из сырцового кирпича (50 × 25 × 9 см). На его горизонтальной поверхности расчищены три лунки, расстояние между которыми составляет ~ 1 м. Диаметр лунок 20–28 см, глубина 7–8 см. Стенки их сильно обожжены. Внутри лунок – угольки, зола и кусочки шлака. Вероятно, на этом месте стояли домницы. Анализ пяти образцов шлаков показал¹, что мастера изготавливали бронзовые украшения, в частности полусферические нашивные бляшки, две из которых найдены в мастерской. Замыкало этот ряд помещений хранилище продуктов (10)².

Данное домовладение возведено в середине VII в., оно неоднократно подвергалось ремонтам и перестройкам. После первого захвата города арабами домашнее святилище было превращено в хозяйственное и жилое помещение, парадный зал значительно сузили по длине и перекрыли сводом. Некоторые хозяйственные помещения первого этажа перестали функционировать. В Пенджикете, где городская жилая застройка вскрыта на больших площадях, домовладения до 300 м² по первому этажу отнесены к собственности низшей знати (Распопова В.И., 1990, с. 133). Домовладение

¹ Спектральные и полуколичественные анализы шлаков сделаны в Институте геологии АН Республики Таджикистан.

² Опубликованный ранее неполный план домовладения был уточнен в процессе его изучения.

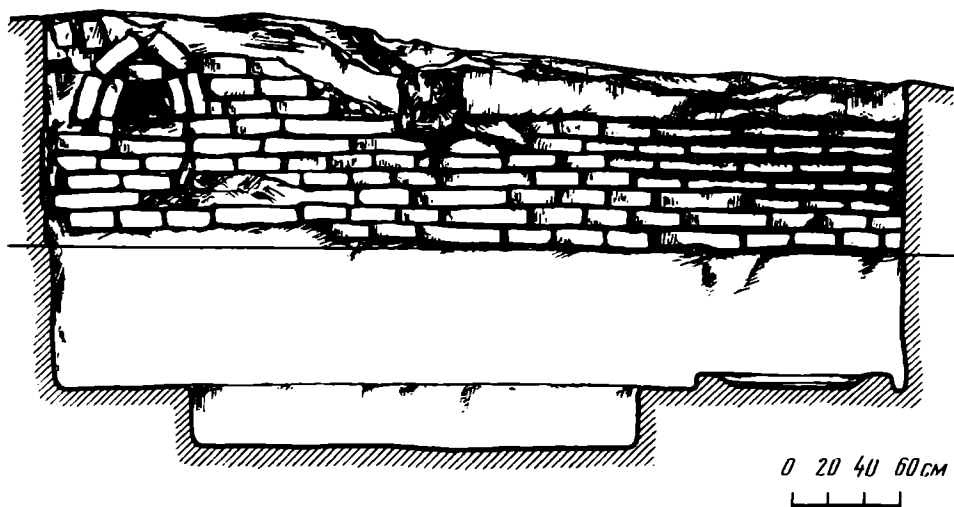

Рис. 4. Кафыркала. Объект 3, троп в помещении 8

Хелаверда принадлежало богатому ремесленнику, производившему и продававшему свою продукцию. Непосредственно к домовладению с восточной стороны примыкала крытая сводом второстепенная улица. Длина ее раскопанного участка 20 м, ширина первоначально была равна 3 м. На протяжении периода КФ-I внешние стены домовладения и восточная стена улицы неоднократно ремонтировались. Ремонт сводился к сооружению кирпичных контрфорсов шириной ~ 1 и длиной до 10 м. Улицу заполняли слои мусора мощностью ~ 2 м. Вскрыто шесть горизонтальных поверхностей, на третьей сверху из них расчищена сливная канавка. Ширина ее устья равна 1,10 м, ширина у дна 0,3 м, глубина 0,15–0,20 м. Канавка имеет уклон в сторону главной уличной магистрали. К западу от домовладения вскрыт значительный участок еще одной второстепенной улицы, также имеющей ширину 3 м. Расстояние между второстепенными улицами, отходящими от главной уличной магистрали под прямым углом на север, равно 44 м.

Объект 5 расположен около центральной части внутреннего фасада северной городской стены. В этом месте рельеф образует крупное всхолмление. С юга к нему примыкает водоем, а также ровная площадка без строений, на которой, вероятно, размещался небольшой сад. Особенности рельефа этой части памятника, а также результаты раскопок позволяют сделать предположение о том, что здесь располагался священный участок с крупным буддийским храмом. Раскопками вскрыт северо-восточный угол храмовой ограды. Ее образует коридор – вестибюль, вытянутый с востока на запад, по обе стороны от него находятся культовые помещения (рис. 5, А). Центральным помещением северного комплекса являлось святилище с крупным постаментом прямоугольной формы, стоящим у южной стены, и суфой. С трех сторон его огибал П-образный обходной коридор, в южном торце восточного отрезка которого устроена ниша для скульптуры. Она перекрыта аркой, выложенной из пяти рядов кирпича, уложенного плашмя тычками наружу (рис. 6). К югу от коридора-вестибюля расположено крупное святилище, вскрытое лишь частично. В центре его стоит постамент шириной 0,7 и высотой 0,2 м, длина его вскрытой части равна 1,3 м.

После первого захвата города арабами храм перестал функционировать. При восстановлении города часть храмовых помещений была приспособлена для жилья, остальные помещения разрушены. На месте северного комплекса было возведено домовладение, состоявшее по первому этажу из трех помещений, полезная площадь которых равна 64 м². Коридор-вестибюль при перестройке превратили в отдельное помещение (2,75 × 4,13 м) с суфой у южной стены (1). Вход в него расположен в восточном торце. Другим входом это помещение связано с жилой комнатой (4,3 × 6 м),

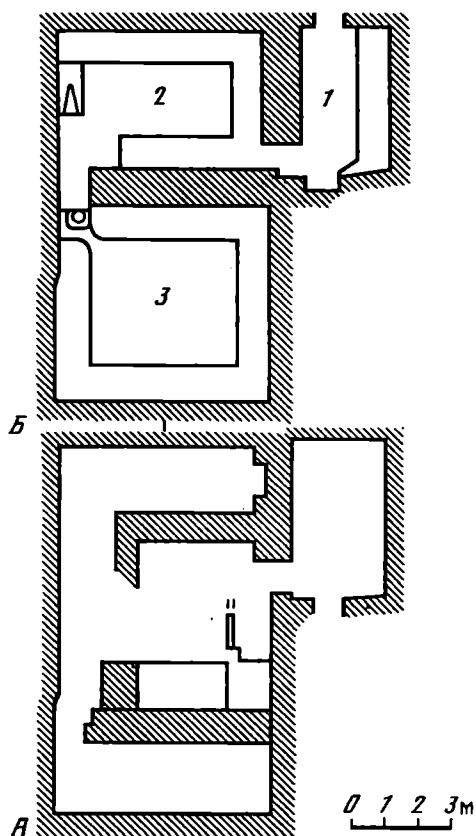

Рис. 5. Кафыркала. Объект 5, план

вдоль стен которой устроена система суф (2). Из этого помещения имелся лестничный подъем на второй этаж, который не сохранился. В западной части первого этажа располагалось крупное помещение (5,65 × 6,30 м), являвшееся одновременно и жилым, и хозяйственным (3). В проходе, соединявшем помещения 2 и 3, был устроен очаг, отопливавший их одновременно (рис. 5, Б). Сравнительный материал из Пенджикента позволяет отнести данное домовладение к категории рядовых (Распопова В.И., 1990, с. 131).

Третье раскопанное на территории города здание включало в себя зал (17 × 7 м) и три небольших хозяйственных помещения. Перед зданием располагалось незастроенное пространство – двор или площадь. Ранее оно считалось домом богатого горожанина, теперь же, зная планировку жилых домов, можно отнести его к зданиям административного типа. Оно могло принадлежать городской общине. Облик самого зала, его размеры, близкие размерам дворцовых залов, свидетельствуют о том, что в собраниях городской общины, видимо, принимал участие правитель области. Его трон размещался в нише, устроенной в западном торце зала. Собрания сопровождались трапезами. Для них в подсобных помещениях хранились

продукты, имелись очаги для приготовления пищи и тануры для выпечки хлеба.

Объект 4 расположен у западных городских ворот. Здесь был осуществлен разрез основной оборонительной стены, вскрыты предстенные оборонительные сооружения, одна промежуточная башня, а также хозяйственное помещение. Городская стена разрезана траншеей длиной 10 и шириной 2 м. В ходе раскопок выявлена ее конструкция. На тщательно выровненную дневную поверхность вначале поставили пахсовый фундамент высотой 0,46 м, который выступал за линию стены на 1,6 м. На нем лежит слой светлого лесса толщиной 10–12 см, а затем уже идет монолитная пахсовая кладка стены, разбитая на ярусы высотой 1 м. Основание стены имеет ширину 5,15 м, высота донныне сохранившегося ее верха 4,5 м. В разрезе стена имеет пирамидальную форму, первоначальная ее высота была равна примерно 6 м, ширина на уровне валганга ~ 3 м (рис. 7, А).

Параллельно основной оборонительной стене шла протейхизма. Она сложена из плотной пахсы темного цвета ярусами высотой 0,8 м, плоскости ее прорезаны косыми и вертикальными швами, располагающимися в шахматном порядке. Протейхизма вскрыта на протяжении 25 м. В поперечном разрезе она имеет пирамидальную форму. Ширина ее основания 1 м; высота ~ 2,5; ширина вверху 0,5 м. Расстояние между основной стеной и протейхизмой равно 4,82 м. Соседство оборонительного рва, наполненного водой, было причиной сырости, от которой страдали основания стен. Это вынудило горожан делать в межстенном коридоре лессовую подсыпку. Данная мера привела к тому, что к концу жизни в городе функциональное значение протейхизмы сильно уменьшилось. Чтобы как-то компенсировать этот недостаток, параллельно основной стене около ворот была сооружена стенка-барьер длиной 2 м, шириной у основания 1 м, сохранившаяся ее высота равна 1 м.

Вскрытая башня в плане имеет форму сильно вытянутого прямоугольника (3,2 × 10,7 м). Она монолитная, возведена из пахсы, уложенной горизонтальными ярусами

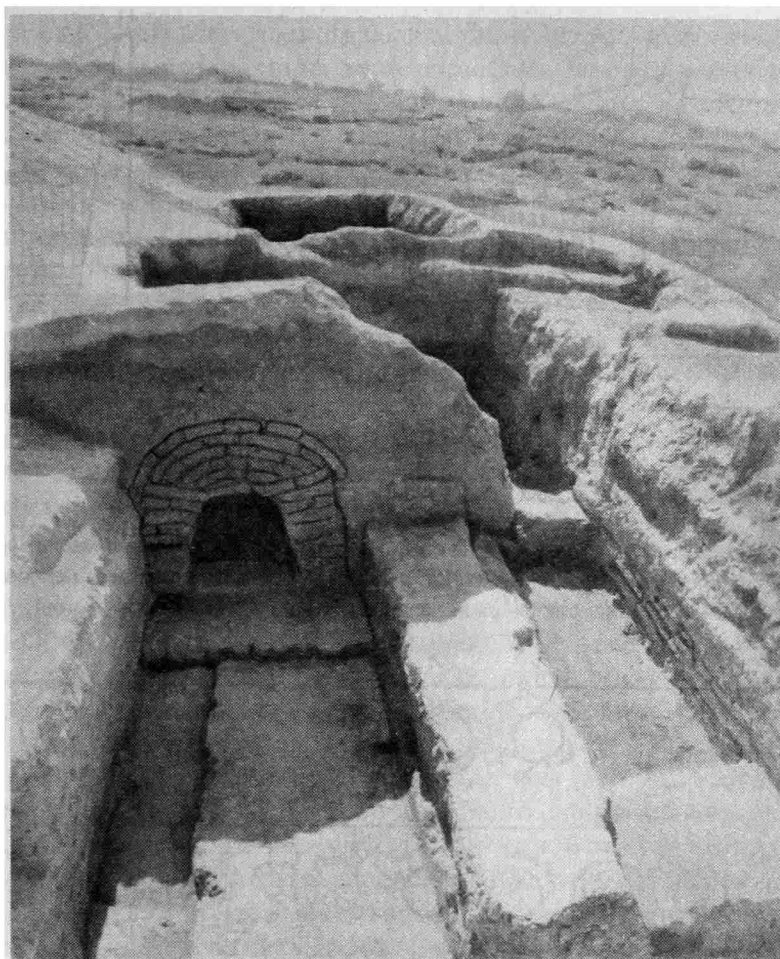

Рис. 6. Кафыркала. Объект 5, ниша для скульптуры

высотой 0,9 м. Поверхность башни разрезана косыми швами на блоки шириной 0,9–0,96 м. Ее внешняя поверхность имеет наклон внутрь, равный 15° . В отличие от башен цитадели городская башня не имеет кирпичных горизонтальных прокладок между ярусами пахсы и ложных бойниц. Расстояние между башней и протейхизмой равно 1,96 м – межстенный коридор здесь превращается в узкий лабиринт (рис. 7, Б).

При расчистке остатков городской стены в том месте, где она подходила к воротам, было обнаружено хозяйственное помещение, расположенное по правую руку от входящего в город. Это помещение пристроено непосредственно к городской стене и вытянуто вдоль нее с севера на юг. Оно прямоугольное в плане ($8,36 \times 4,06$ м), было перекрыто сводом, выложенным из прямоугольных сырцовых кирпичей ($50 \times 25 \times 10$ см) в технике параллельных отрезков. Одна его ветвь была встроена в оборонительную стену. Стены помещения тщательно оштукатурены и побелены, южная стена, кроме того, покрыта слоем оранжевой краски. При расчистке помещения были обнаружены хумы, большая часть которых оказалась разбитой. Они стояли в четыре ряда (до 10 сосудов в каждом) вдоль длинных стен помещения. Два ряда хумов покоятся на суфах шириной 1,1 и высотой 0,1 м, часть хумов средних двух рядов вкопана для устойчивости в пол, дно других сосудов утоплено в жидкий раствор ганча. Хумы имеют стандартные размеры (м): высота 0,9; максимальный диаметр тулова 0,7; диаметр дна 0,4. Как внутри хумов, так и рядом с ними найдены сгнившие зерна пшеницы, косточки персика, семена тыквы (рис. 8). На краю восточной суфы был устроен очаг для обогрева помещения, которое, вероятно, служило для сбора и хранения сельскохозяйственных продуктов, взимаемых в виде платы с торговцев за въезд в город. В помещении находился человек, который принимал продукты, идущие затем, видимо, на общественные нужды.

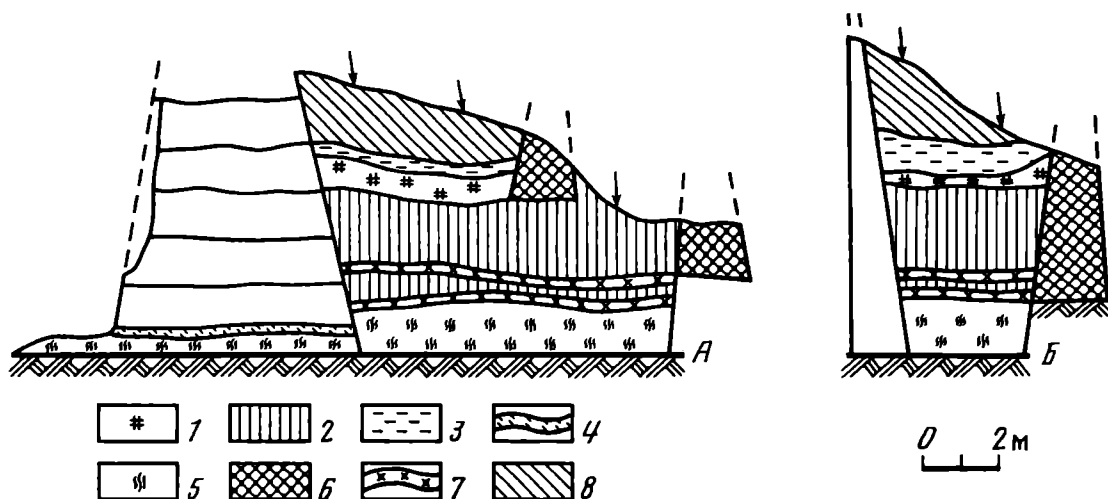

Рис. 7. Кафыркала. Объект 4, разрез крепостной стены и предстенных оборонительных сооружений: 1 – слой мусора; 2 – лессовая подсыпка; 3 – наteki; 4 – песчаная подсыпка; 5 – пахсовая кладка; 6 – протейхизма и барьер; 7 – уровни полов; 8 – слой развала оборонительных сооружений

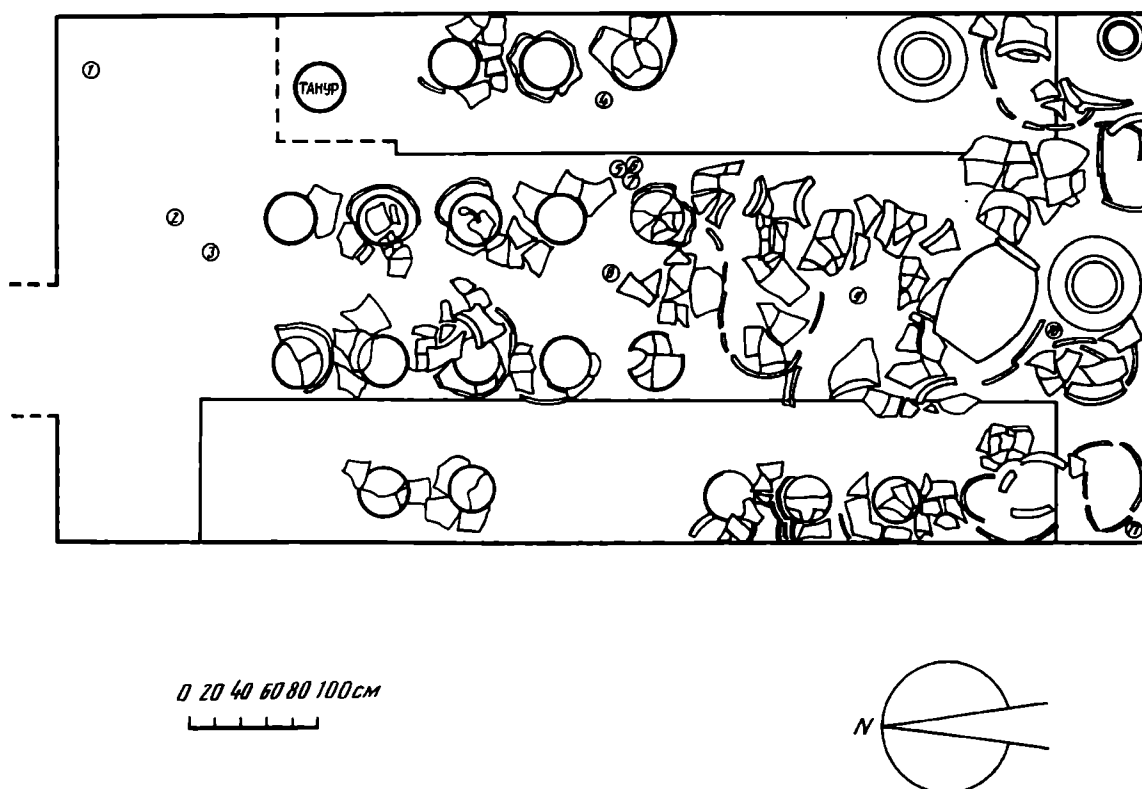

Рис. 8. Кафыркала. Объект 4, план помещения для хранения сельскохозяйственных продуктов: 1, 4–7, 9 – монеты; 2 – фрагмент бронзовой ручки; 3, 8 – керамические пряслица; 10 – каменный штамп; 11 – керамический поильник

К сожалению, раскопочные работы на некоторых объектах Хелаверда завершить не удалось, однако уже сейчас полученные материалы и наблюдения позволяют сделать некоторые выводы об особенностях его планировки. Подтвердилось ранее высказанное мнение о том, что строительству города предшествовало составление его эскизного плана, который затем в увеличенном виде был перенесен на местность. Хелаверд был столичным городом, поэтому его застройка качественно отличается от застройки провинциального городка, известного сейчас как Калаи Кафирниган: раз-

бивка контуров строений в последнем велась "на глазок", нет четкого разделения помещений на бытовые и парадные, хуже качество строительных работ (Литвинский Б.А., 1980, с. 120–146). Истоки планировочной структуры Хелаверда лежат в структуре бактрийских античных городов (Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др., 1988, с. 8, рис. 2; Кругликова И.Т., 1974, с. 7; Guillaume O., 1983, табл. 1А, 1Б). Их роднят составные части, правильный абрис оборонительных стен и четкая сеть городских коммуникаций. Как и в Согде (Распопова В.И., 1990, с. 131, 132), сильное влияние на характер городской и дворцовой жилой архитектуры Хелаверда оказала замковая архитектура.

К эпохе античности восходит и фортификационная система города. Она соответствовала необходимым требованиям времени, насыщенного военными конфликтами, в которых использовалась осадная техника и большие массы людей, давала защитникам ряд преимуществ: делала менее уязвимыми стены при действии таранов, позволяла использовать любое оружие, сокращала количество оборонительных башен при сооружении фортификационной системы.

Пахса и сырцовый кирпич (50–52 × 25–26 × 8–10 см) являлись основными строительными материалами, использованными при строительстве Хелаверда. Стены построек возводились преимущественно из пахсы, кирпич шел для выкладки сводов, куполов, арок. Обожженный кирпич использовался для выстилки полов, устройства оснований колонн. Из дерева изготавливались колонны, пороги, дверные полотнища, косяки, сооружались плоские перекрытия. Стены покрывались обычной глиносаманной или декоративной штукатуркой, состоящей из цветной запесоченной глины.

Полученные материалы позволяют говорить о том, что Хелаверд являлся значительным ремесленным центром. Гончарство было одним из его развитых производств. Мастера изготавливали тарную, столовую, кухонную посуду, светильники, жертвенники, пряслица для всех слоев городского населения. Сырьем для них служили тощие, ожелезненные глины, добываемые в окрестностях города. Температура обжига станковой керамики достигала 950°. Существовало и домашнее производство керамики, которая отличалась худшим качеством изготовления (Соловьев В.С., 1996, с. 32–45).

Развитой была также обработка металлов. Из железа кузнецы изготавливали серпы двух типов (втульчатые и с отверстием для ремешка), ножи, мечи, поясные пряжки, ключи, наконечники стрел нескольких типов. При раскопках жилого дома на объекте 3 найден небольшой клад, состоящий из деталей поясного набора: бляшек двух типов (7 экз.), наконечника ремня и двух пряжек – железной и медной. Они практически идентичны соответствующим деталям согдийского поясного набора, который был тесно связан с тюркским поясным набором (Распопова В.И., 1965, с. 80–91). Изделия ювелиров представлены немногочисленными находками перстней, браслетов, серег, подвесок, изготовленных преимущественно из бронзы; реже встречаются изделия из серебра и свинца, работали ювелиры и с золотом.

Об уровне мастерства художников Хелаверда свидетельствуют прежде всего керамические рельефы. Они были призваны заменить или дополнить в домашних святилищах стенную живопись. Рельефы крепились к стенам, вероятно, на уровне человеческих глаз. Два из них составляли композицию, иллюстрирующую предание о царе-охотнике. Штампованные рельефы украшали также керамические оссуарии и чаши (Litvinsky B., Solov'ev V., 1990, p. 61–75). Стенная живопись использовалась преимущественно для декора буддийских святилищ. В парадных залах дворца и на объекте 3 она не обнаружена, поэтому можно предположить, что их стены украшали декоративные ковры.

Из письменных источников известно, что тохаристанцы исповедовали в основном буддизм, эти сведения подтверждаются открытием на территории Северного Тохаристана серии буддийских памятников, один из которых – дворцовая часовня на цитадели Хелаверда. Вероятно, буддийскими были домашнее святилище на объекте 3 и городской храм. В то же время в среде населения города бытовали представления,

связанные с фарном – горным козлом, верблюдом, зебувидным быком. Изображения этих животных встречены на отпечатках гемм и специальных штампов, оттиснутых на венчиках крупных тарных сосудов.

Характеристика, данная одному из городов Тохаристана на основании полученных при раскопках Хелаверда материалов, далека от полноты, более детальное его изучение – дело будущего. Однако уже сейчас можно уверенно сказать о том, что городская жизнь Тохаристана была развита не менее высоко, чем в соседнем Согде. Более 40 лет тому назад, когда археологические раскопки на территории Тохаристана еще только начинались, А.Ю. Якубовский сделал предположение о том, что города правобережной его части могли отличаться от городов Согда и Хорезма (Якубовский А.Ю., 1955, с. 125). Это предположение подтвердилось в наши дни. Автору представляется, что именно с этих позиций нужно рассматривать прежде всего согдийский и тохаристанский города раннего средневековья при их сравнении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беленицкий А.М., 1950. Отчет о работе Вахшского отряда в 1947 г. // МИА. № 15.
Зеймаль Т.И., 1969. Вахшская долина в древности и раннем средневековье. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
Кругликова И.Т., 1974. Дильберджин (раскопки 1970–1972 гг.). Ч. 1. М.
Литвинский Б.А., 1980. Калаи Кафирниган (раскопки 1974 г.) // АРТ. Вып. XIV (1974 г.). Душанбе.
Литвинский Б.А., Гулямова Э.Г., Зеймаль Т.И., 1959. Работа отряда по сбору материалов для составления археологической карты // АРТ. Вып. VII (1957 г.). Сталинабад.
Литвинский Б.А., Соловьев В.С., 1985. Средневековая культура Тохаристана. М.
Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др., 1988. Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент.
Распопова В.И., 1965. Поясной набор Согда VII–VIII вв. // СА. № 4.
Распопова В.И., 1990. Жилище Пенджикента. Л.
Соловьев В.С., 1996. Раннесредневековая керамика Северного Тохаристана. Елец.
Якубовский А.Ю., 1955. Феодальный строй. История Узбекистана. Т. 1. Кн. 1. Ч. III. Ташкент.
Beal S., 1981. Buddhist records of the Western World. V. 1. Delhi.
Guillaume O., 1983. Fouilles d'Ai Khanoum. II. Les Propylées de la rue principale // MDAFA. T. XXIV. Paris.
Litvinskij B.A., Soloviev V.S., 1985. Kafyrkala. Frühmittelalterliche Stadt im Vach-Tal, Süd-Tadžikistan. München.
Litvinsky B., Solov'ev V., 1990. The Architecture and Art of Kafyr Kala (Early Medieval Tokharistan) // Bul. Asia Institute. New Ser. V. 4.

Елецкий государственный педагогический институт

V.S. SOLOVYEV

EARLY MEDIEVAL CITY OF TOKHARISTAN BASED ON THE EXCAVATION MATERIALS FROM KAFYRKALA

S u m m a r y

On the basis of the data obtained during excavations conducted over many years in the hilltop site Kafyrkala in Southern Tadzhikistan, the author of the paper gives a characteristic of an early medieval capital city Tokharistan. The paper presents a detailed description of excavations facilities; the stratigraphy and dating of the site have been specified. Traits of the city building that dates to the building of Bactria ancient cities have been identified. It also contains information of architecture, fortifications, and craft production in the city. The author comes to the conclusion that, in addition to Buddhism, beliefs linked to farna were spread among city residents.